

ЛЕНА СОКОЛ

СЕРДЦЕ
УМИРАЕТ
МЕДЛЕННО

Москва
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Художественное оформление серии
Екатерины Тинмей

Сокол, Лена.
С59 Сердце умирает медленно / Лена Сокол. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-111976-8

Два месяца назад, ровно в полночь, я умерла. Через минуту в моем теле уже билось чужое сердце. Так я получила шанс на новую жизнь, а вместе с ним новые ощущения, чувства, запахи, сомнения и бесконечные кошмары, являющиеся во сне и наяву. Почему новое сердце отвергает мои прежние чувства? От чего пытается предостеречь? Вопросов с каждым днем становится все больше, а ответ один — и он бьется у меня в груди.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111976-8

© Сокол Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Антипредисловие

Нужны ли мистической истории предисловия? Вряд ли. Поэтому считайте это обращение антипредисловием.

Так вышло, что мой роман наделал немало шума еще во времена участия в одном престижном конкурсе, где автора презентовали под зарубежным псевдонимом.

Я рада, что теперь и мои российские читатели получили возможность держать в руках книгу, на обложке которой гордо (и весьма смело) выведено мое настоящее имя.

Эта история совершенно особенная, но, надеюсь, вы полюбите ее так же, как и другие мои романы.

Закончу это антипредисловие словами благодарности своим любимым читателям, моему терпеливому агенту, заботливой (и потому обожаемой) редакции и, конечно же, моей дорогой семье. Без вашей поддержки ничего бы не получилось!

А теперь... **УВЛЕКАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ!**

От автора

Четыре часа.

Ровно столько дает современная медицина от первого надреза на теле донора до последнего шва в теле реципиента — человека, которому делают пересадку сердца. Спустя четыре часа орган станет попросту непригодным, поэтому счет идет буквально на минуты.

Орган погибшего человека способен обеспечить жизнь другому человеку на многие годы. И это настоящее чудо. Новый шанс для смертельно больного.

Врачи сразу видят, как сердце начинает биться в теле пациента. Но, к сожалению, пересадка не является завершающим этапом лечения и не несет в себе полного исцеления — это всего лишь первый шаг в будущей борьбе за то, чтобы продлить срок своего существования.

Чтобы новое сердце продолжало биться, придется прикладывать немалые усилия.

Эта книга посвящается всем, кто ежедневно спасает человеческие жизни.

Она также посвящается всем тем, кто верит в медицину, но хотя бы раз в своей жизни задумывался о том, где на самом деле живет в нашем теле Душа.

— Держи! — Райан вложил в мою ладонь тонкую веревку. — Как только начнет падать, резко тяни его на себя!

Я улыбнулась, просто чтобы сделать парню приятное.

Воздушный змей начал плавно опускаться. Еще бы. Нужно постоянно двигаться, чтобы он оставался в воздухе и продолжал лететь. А я лежала в плетеном кресле, укрытая пледом, и с трудом держала руку поднятой вверх.

— Вот так, да! Хорошо! — звонко рассмеялся Райан.

Он едва сдерживался, чтобы не выхватить несчастную нить из моих рук и прервать падение змея на землю.

— У тебя хорошо получается, Эмили, — кажется, выражение его лица было совершенно искренним, пока он произносил эту нелепость.

— Теперь ты, — тихо пробормотала я, возвращая ему веревку.

С севера налетел долгожданный ветер, и яркое цветное полотнище резким потоком воздуха подбросило вверх. Крылья змея задрожали под напором стихии, резные края, изображавшие перья, затрепетали, отдаваясь тихим шелестом в ушах.

— Вот это да! — воскликнул обрадованный Райан и, пытаясь выровнять траекторию полета, побежал по газону вдоль забора, проходившего по границе нашего внутреннего двора.

Я поежилась и оглянулась в сторону дома. Мама вряд ли позволила бы мне выйти на улицу в ветреную погоду: не дать мне простудиться или заразиться чем-нибудь — одна из ее первоочередных задач с первого дня моей жизни. Поэтому-то она нахмурилась сегодня утром и была настроена столь скептически, когда Райан принес воздушного змея. И с довольным видом улыбалась, когда парень тщетно пытался заставить его взлететь битых полчаса.

Зато теперь, когда прохладный воздух осчастливил нас своим появлением, мне ужасно не хотелось, чтобы мать заметила хотя бы малейшее дуновение и испортила своими нравоучениями нашу прогулку. Хотя будем откровенны: мою вылазку трудно назвать полноценной прогулкой, ведь я не вставала с кресла, пока парень носился вокруг меня, но лишаться такой чудесной возможности — побыть наедине с Райаном — мне очень не хотелось.

Они продолжали ссориться. Мама и папа.

Обычно эти двое постоянно что-то делили или привычно соревновались в том, кто из них лучше заботится обо мне. Но сейчас... Похоже, конфликт набирал обороты. Я сделала такой вывод не потому, что они размахивали руками или хаотично перемещались по комнате, а потому, что они даже не смотрели в нашу сторону.

Обычно для мамы делом принципа было портить мои встречи с Райаном: она подслушивала, подглядывала, беспардонно влезала в разговоры и считала приемлемым врывать в комнату в самый неподходящий

- Сердце умирает медленно -

момент. А отец, тот и вовсе свое присутствие на наших свиданиях считал делом обязательным. И взгляда от парнишки не отрывал ни на секунду, будто боялся, что, если отвернется хоть на миг, тот непременно воспользуется шансом, чтобы обесчестить его дочку.

Хотя Райан и не помышлял о таком. Наверное. Да и встречи наши свиданиями назвать можно с бо-о-ольшой натяжкой. Мы с ним просто приятели. Одноклассники. И то формально.

Я числюсь в классе, где учится Райан, с тех пор как поступила в школу. Когда-то мне было немного лучше, и мама не теряла надежды, что у меня получится хотя бы периодически быть нормальной: например, время от времени посещать занятия. Но для того, кто с трудом может удержать рюкзак за плечами, чье здоровье постоянно пошатывается от «терпимо» до «опять операция, опять больницы», ходить в школу, как все нормальные дети, — это что-то очень самонадеянное, почти из области фантастики.

Поэтому мне довелось побывать в здании учебного заведения лишь несколько раз. Конкретнее — семь. В течение целого десятилетия.

В остальное время если я и обучалась, то дистанционно. И то — тоже только когда была в состоянии это делать.

— Гляди! Видишь, как он высоко летит! — окликнул меня Райан.

Но я смотрела на дверь. Она была закрыта неплотно, и до меня долетали обрывки реплик, которые заботливые родители метали друг в друга, как острые ножи.

— Так получилось!

— Получилось, значит?! — у матери от гнева срывался голос. — Лучше бы ты научился пользоваться

резинкой... в твои-то годы! Тогда мне не пришлось бы краснеть перед соседями! Скажи-ка, весь Блэкли¹ уже знает, что ты обрюхатил секретаршу?

— Лиз, прошу тебя!

— Твои что-то расшумелись сегодня, — мягко сказал Райан, появившись передо мной и осторожно прикрыв дверь.

Обрывки слов больше не долетали до нас. Они остались за прозрачным стеклом, повисли тяжелым напряжением внутри дома.

«Только не волноваться. Спокойно, — уговаривала я себя, стараясь дышать ровно. — Господи, он тоже всё слышал. Райан. Какой позор...»

— А вот и солнце, — как ни в чем не бывало пропел парень, подтягивая к себе веревку со змеем.

«Старается меня успокоить? Или правда ничего не услышал?»

Я перевела взгляд на летящий над нашими головами кусок тонкой ткани. Змей ловил потоки воздуха, отчаянно подскакивал, дергался, но снова вставал на нужный курс. Настоящий борец.

«У папы будет новый ребенок. Здоровый. — Мне с трудом удавалось протолкнуть кислород в сжавшиеся легкие. — Вот и хорошо. Не будет сильно убиваться, когда я уйду».

— Смотри, — Райан обошел меня с другой стороны, — сейчас я отпущу его еще выше!

И он размотал веревку, дав змею больше свободы.

Побежал по двору, пытаясь выровнять траекторию движения и пустить побольше воздуха под крылья тканевой птицы.

¹ Б л э к л и — один из районов Манчестера (Великобритания). (Здесь и далее прим. автора.)

- Сердце умирает медленно -

А я просто любовалась им. Райаном. Наблюдала, как его голые пятки касаются зеленой травы, как тонут в ней. Как напрягаются мышцы на загорелых руках вчерашнего мальчишки, превратившегося каким-то чудесным образом за последний год в молодого мужчину: широкоплечего, высокого, с забавным баском в голосе и горделивой осанкой.

Он так звонко смеялся, пытаясь обуздать воздушного змея, что я в очередной раз удивилась, откуда в нем столько жизни. Он ведь и есть сама жизнь. Легкий, быстрый, веселый, сильный. Полная мне противоположность.

Мне. С впалыми щеками, прозрачной кожей, изможденным лицом. Я давно казалась себе настоящей трухлей. Стоящей одной ногой в могиле. Не надеявшейся на чудо. Забывшей, а точнее, никогда не знавшей, что такое бодрость с утра, задор в стремлении переделать кучу дел, и уж тем более элементарная сила в руках.

Сколько себя помню, если не лежала в больнице, я жила на первом этаже нашего маленького дома, в гостевой комнатухе, переделанной под детскую спальню. Я была не в состоянии подниматься на второй этаж. Если были силы, рисовала. Много. Не для себя. Мне хотелось оставить как можно больше рисунков на память матери, чтобы у нее было еще что-то, помимо старых фотографий, с которых я взирала на нее бледным подобием человека.

Честно? Для меня и помыться-то в последнее время стало чересчур тяжелой задачей — я быстро уставала, начинала задыхаться. Чувствовала, что отмеренное мне время истекает. И как бы ни утешали, знала: скоро последняя песчинка часов моей жизни упадет, и мой отчаянный борец, мое сломанное, но не сломленное

- Лена Сокол -

сердце в одно прекрасное мгновение просто остановится. И тогда наступит конец.

Сегодня? Завтра утром? Или сразу после обеда? А может, удастся протянуть еще пару месяцев? Никто не может сказать точно. Остается только надеяться.

Вот только я не питаю особых иллюзий. Не строю планов.

Я пытаюсь решить, стоит ли совершить нечто такое, что должна совершить каждая девушка в восемнадцать лет? И чего не может себе позволить умирающая восемнадцатилетняя. Нечто такое, что может оборвать мою жизнь раньше срока, но определенно сделает ее наполненной смыслом и... почти нормальной?

— Райан? — позвала тихо.

Парень остановился, посмотрел на меня с тревогой и ослабил натяжение нити, опустив руку.

— Да?

— Могу я тебя кое о чем попросить?

— Чего запыхалась? Только что с пробежки? — с этими словами Райан вошел в мою комнату через два дня.

Мама, впустившая парня в мое убежище, недовольно прочистила горло. Он же продолжал широко улыбаться: привык, что, кроме меня, его шуточек в этом доме никто никогда и не понимал.

— Привет, — я судорожно сунула смартфон под подушку.

Мне почему-то не хотелось, чтобы Райан знал, что мне нравится по несколько раз за день пересматривать забавные короткие видео, которые он шлет мне с занятий. Только с этими роликами я могла чувствовать себя более-менее живой, представлять, что тоже нахожусь там, среди пышущих здоровьем ребят, непрерывно отпускающих глупые шуточки и обменивающихся язвительными репликами.

— Эмили устала, — сухо сказала мать, сверля взглядом спину парнишки, — поэтому сегодня — недолго.

— Хорошо, миссис Уилсон, — кивнул Райан.

И сжал губы. Он всегда так делал, когда врал.

Мама удалилась, но дверь оставила открытой. Можно не сомневаться: она затаилась неподалеку, готовая в любой момент ворваться, если расстояние между

мною и чужаком сократится до неприличных метров полутора или около того.

— В общем, сегодня ничего необычного, — парень, дождавшись, когда мать скроется с глаз долой, плюхнулся на кровать рядом со мной и вытянул ноги. — Стивен так разнервничался, узнав свой балл за тест, что заблевал Кэтрин все туфли. Девочки целый день без умолку обсуждали примерку своих платьев, аксессуары и туфли к выпускному. Джонсон уселся на жвачку. Ничего нового!

Он развел руками, а затем нарочито обессиленно уронил голову на подушку.

— Мы переписывались с Шейлой, — призналась я, — кое-что из перечисленного она уже рассказала.

— Что именно? — Райан приподнялся на локтях. — Хотя нет, не говори. Дай угадаю. Про ее платье на праздник?

— Да, — с трудом улыбнулась я.

Приподняла подушку и навалилась на нее спиной.

Признаться честно, я даже немного ей завидовала. Жаль, что мне не светит прогуляться вместе с выпускниками в красивом платье и (ой, мамочки!) на каблуках. Не посчастливится потанцевать до рассвета и выпить втихаря от мамочки спиртного (кстати, а какое оно на вкус... и какой от него эффект?).

— Шейла Браун знает толк в шмотках! — рассмеялся Райан.

И от его смеха по всему моему телу разлилось необыкновенное тепло. Как же с ним рядом уютно и легко... Мы ведь... почти как настоящие друзья... Интересно, всё оставалось бы так же, если бы я была обычной девочкой, а он не испытывал бы ко мне жалости?

— Ты уже подал документы в Дарем? — спросила, стараясь избегать его взгляда.

- Сердце умирает медленно -

Университет Дарема — его мечта. Он старательно зубрил школьный материал, чтобы получить максимальный балл за тесты, а его родители безумно гордились стремлением сына посвятить себя медицине. У меня до сих пор не хватало духу спросить, почему он решил стать врачом и к какой специализации тяготеет. Наверное, боялась услышать, что все это из-за меня. Не знаю, почему. Возможно, такой ответ усложнил бы мое восприятие Райана как просто друга.

— Еще нет, — парень пожал плечами. — Знаешь... — он все-таки добился того, чтобы я на него посмотрела. — Думаю, мне стоит остаться здесь. С тобой. В Манчестере тоже есть отличный университет, и медицинский факультет имеется...

— Как? — В голове не укладывалось. — Но ты же собирался... и твоя мама... Она похвасталась моей, что сбережения пойдут на твою уч...

— Нет, — Райан резко мотнул головой. — Нельзя просто взять и уехать, когда ты в таком состоянии. Я останусь, дождусь, когда тебе пересадят сердце. Буду рядом. А когда твой новый моторчик окрепнет, мы вместе горы свернем! — и в следующее мгновение он сделал то, чего от него я никак не ожидала: дотронулся пальцами до моей щеки.

Я вздрогнула, почувствовав его тепло. Уставилась в его лицо в смущении и испуге, а мое бедное сердце отчаянно толкнулось в ребра.

— Райан...

— Я про горы в прямом смысле, Эмили, — теплая сильная ладонь касалась моей щеки. — Куплю тебе кроссовки, мы добежим прямо до Кросс-Фелл¹ и по-

¹ Кросс-Фелл — гора, являющаяся наивысшей точкой Северных Пеннинских гор (Великобритания).